

СУПЕРАГЕНТ ДРОНГО

ЛЕГЕНДА РОССИЙСКОЙ БОНДИАНЫ

Чингиз Абдуллаев

**КАМНИ
ПОСЛЕДНЕЙ
СТЕНЫ**

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

А13 **Абдуллаев, Чингиз Акифович.**
Камни последней стены / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с. — (Суперагент Дронго. Легенда российской бондианы).

ISBN 978-5-04-203714-6

Служба внешней разведки России давно не сталкивалась с проблемой такого масштаба: появилась информация, что некто собирается передать в ЦРУ исчерпывающие сведения обо всей российской резидентуре в Германии. Катастрофу удается предотвратить ценой жизни двух агентов, однако разведчики узнают, что готовится новая операция. Дело поручается специальному агенту Дронго. В ходе расследования тот убеждается: предатель когда-то служил в восточногерманской службе безопасности «Штази». Но кто же этот загадочный «крот»?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203714-6

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

В этой проклятой жизни все узнаешь. Кажется, я уже начинаю узнавать. Просто внутри все умирает, и тогда все очень легко. Живешь, не живя, как очень многие люди почти всю жизнь. Наверно, так оно и бывает. Наверно, так оно и должно быть.

Э. Хемингуэй. «Иметь и не иметь»

НАЧАЛО

Берлин. 21 октября 1999 года

По существу, это пригород большого Берлина. Когда еще существовала Стена, это был городок с местным самоуправлением в пригороде Восточного Берлина. Однако после объединения Германии мегаполис стал стремительно расширяться, и через десять лет Нойенхаген можно было смело называть пригородом Берлина.

Моросил дождь. Дитрих Барлах сидел в автобусе, глядя на серые дома, проплывающие мимо него. Его одутловатое, изборожденное морщинами лицо носило отпечаток тех испытаний, которые судьба преподнесла этому преуспевавшему некогда человеку. Рядом смеялись молодые люди. Они целовались, не обращая внимания на пассажиров. Барлах отвернулся: его это раздражало.

В Нойенхагене он вышел за два квартала до своего дома. Привычка из осторожности проходить это расстояние пешком сказалась и на этот

раз. Кажется, из автобуса больше никто не вышел. Барлах оглянулся. Болели ноги. В его возрасте ноги еще не должны беспокоить. Ему только пятьдесят два года. Но они болят. Наверно, он застудил их в те осенние дни восемьдесят девятого, когда приходилось часами стоять на этих проклятых митингах, сдерживая напирющую толпу. В конце концов, он сам виноват, что все так получилось. Другие устроились лучше. Впрочем, если все получится, он наконец наладит и свою жизнь. Вставит новые зубы, купит бунгало где-нибудь на островах Тихого океана или домик в США. Найдет приличную женщину, конечно, немку, американки ему всегда не нравились. Заведет себе детишек, вылечит отмороженные ноги, застарелый радикулит и наконец сможет жить, как должно жить человеку.

Барлах посмотрел в стекло витрины магазина. Через него можно увидеть любого, кто будет его преследовать. Но кроме молодой женщины с ребенком, спешившей в другую сторону, никого не было.

Бывшие пригороды Восточного Берлина все еще оставались «советскими» городками, с казарменным обликом улиц, кварталов, с безликими домами, построенными по типовым проектам. Барлах переехал сюда много лет назад, после развода с женой. Тогда в городке еще можно было услышать смех и увидеть счастливых людей. Потом их становилось все меньше и меньше. Молодежь переселялась ближе к центру или уезжала на Запад.

Здесь остались только пенсионеры и люди, разуберившиеся в новых преобразованиях.

Барлах пошел дальше. У своего дома он встретил соседа. Они жили в одном подъезде, но до сих пор не были знакомы и не знали друг друга по имени. Буркнув приветствие, Барлах вошел в подъезд и поднялся на второй этаж. Войдя в квартиру, он услышал привычное мяуканье и горько усмехнулся. С прошлого года единственным его близким существом была кошка, которую он подобрал на улице. Барлах снял старую куртку и повесил на вешалку. Затем достал сигареты и открыл дверь на балкон, чтобы выйти и закурить. Такая привычка осталась еще с тех пор, когда он был женат, — его супруга не выносила табачного дыма. Сейчас он был один и мог курить, даже лежа в постели. В этой квартире никто не нарушал его одиночества. Женщины его давно не интересовали, а друзей у него не осталось. За исключением одного, которому он очень верил.

За спиной мяукнула кошка. Барлах обернулся и усмехнулся. Хочет молока. Он прошел на кухню, достал пакет с молоком и тарелку.

— Иди, — позвал он кошку, поставив тарелку с молоком на пол.

Он не заметил стоявшую около дома машину, которая выехала из-за угла, когда он уже вошел в дом. Это был темно-серый «Фольксваген». В нем находились два человека. Сидевший за рулем взглянул на своего спутника. Тот кивнул. Не было произнесено ни слова. Второй достал мобильный телефон.

Барлах еще раз позвал кошку. Она почему-то не пришла на кухню. Он разозлился. В конце концов, он не обязан кормить ее, выкраивая марки из своей пенсии.

— Где ты? — зло спросил Барлах.

В столовой послышался шум. Он прошел в комнату и увидел, что кошка выскочила на балкон.

— Черт тебя возьми, — выругался Барлах, — еще не хватало, чтобы ты носилась по балконам!

Он поспешил за кошкой. И, проходя через столовую, механически включил свет. Сидевшие в «Фольксвагене» увидели, как загорелся свет в доме. И один из них, державший в руках аппарат мобильной связи, начал набирать номер. В этот момент Барлах вышел на балкон. Он не мог представить, что это маленькое животное спасет ему жизнь. Выйдя на балкон, он увидел, как она спускается по водосточной трубе.

— Куда? — хотел крикнуть Барлах, но в этот момент раздался телефонный звонок. Он обернулся. Телефон зазвонил второй раз.

Откуда ему было знать, что именно два телефонных звонка служили условным сигналом для включения взрывного устройства. Барлах смотрел на аппарат, понимая, что нужно войти в комнату и взять трубку. И в этот момент раздался страшный взрыв. Взрывной волной его выбросило во двор вместе с оторвавшимся от здания балконом. Очевидно, даже немецкие строители, построившие дом в начале семидесятых, не полностью избави-

лись «от родимых пятен социализма» и сэкономили на цементе. Балкон оторвался и рухнул.

Барлах был еще в сознании, когда услышал заывание полицейской сирены и почувствовал, что чьи-то руки осторожно поднимают его голову.

— Кажется, он еще жив, — взволнованно сказал кто-то из соседей.

Барлах с трудом открыл один глаз. Последнее, что он увидел, — кошку, смотревшую ему в глаза, и потерял сознание.

Москва. Ясенево. 23 октября 1999 года

— Как это могло случиться? — Он спрашивал тем свистящим шепотом, который выражал высшую степень негодования.

— Мы ничего не понимаем, Георгий Самойлович, — оправдывался сидевший перед ним генерал. — Все было сделано, как нужно. Он вошел в дом и включил свет. Кроме него, в квартире никого не было. Наши сотрудники вывели сигнал на телефонный звонок. Это самая надежная система. Взрыв происходит даже в том случае, если объект не поднимет трубку. Два звонка — и сигнал срабатывает.

— Значит, он не сработал, — зло прервал хозяин кабинета, — и Барлах остался жив. Он тяжело контужен. Его отвезли в больницу. Неужели нельзя было выполнить задание нормально?

— Это случайность. Там были наши лучшие специалисты. Барлах вышел на балкон как раз в

тот момент, когда произошел взрыв. И балкон оторвало взрывной волной. Это абсолютная случайность, Георгий Самойлович. Мы попытаемся исправить свою ошибку и достать его в больницу.

— Случайность, — зло повторил за генералом его собеседник. — Вы могли бы знать, что в нашем деле случайности недопустимы. И в больницу лезть не нужно. Он ведь только передаточное звено. Необходимо выявить его источник и постараться ликвидировать этого человека до того, как он передаст сведения Барлаху.

— Так точно, Георгий Самойлович. На этот раз мы не допустим случайностей.

— Надеюсь, — он помолчал. — Мы проанализировали состав их группы. Все наши аналитики полагают, что это Фредерик Нигбур. Если вам удастся ликвидировать информатора, мы будем гарантированы от всяких неожиданностей, связанных с Барлахом. Вы меня понимаете, генерал?

— Два дня, — кивнул генерал, поднимаясь со стула. — За два дня мы решим эту проблему. Я даю вам слово.

Гамбург. 25 октября 1999 года

Пригород Гамбурга Ольсдорф находился рядом с аэропортом Фульсбюттель, и он часто слышал шум взлетающих самолетов, когда проезжал по трассе, ведущей на север. Сегодня утром он должен был отправиться по делам их фирмы в Любек. Нигбур считал, что ему повезло. Даже не-

смотря на то что он жил с семьей в небольшой квартире, за которую платил так много. Даже несмотря на характер его работы, связанной с постоянными переездами по делам их машиностроительной фирмы. Другие сотрудники бывших спецслужб ГДР не могли найти и такой работы. Это был своеобразный «волчий билет» — бывших сотрудников «Штази» не брали на работу ни при каких обстоятельствах. А тем более — в западных землях. Ему помог брат жены. Юрген пригласил их в Гамбург, где Нигбура никто не знал. Правда, он честно указал в анкете, что работал сотрудником министерства безопасности Восточной Германии, но руководитель фирмы был родом из восточных земель и не придавал этому никакого значения.

Нигбур сильно изменился за последние десять лет. Он поседел, поправился, отпустил небольшой животик. В свои сорок пять он стал грузным, мрачным бюргером. Его интересовали только проблемы его семьи и работы. Сегодня нужно было выехать пораньше, и он предупредил жену, что уедет в восемь утра. Вчера сообщили, что возможен туман на дорогах, и он решил отправиться немного раньше, чтобы успеть к вечеру вернуться домой.

Его старый «Рено» стоял около дома. У него не было денег на гараж и на другую машину. Приходилось довольствоваться этим автомобилем. Правда, Нигбур со свойственной немцам упертостью был уверен, что рано или поздно он сумеет подняться. Дела в их компании шли неплохо, и ему совершенно определенно обещали повышение по

службе. Ценилось и его знание языков — русского, чешского, английского.

Выйдя из дома, он увидел у своей машины двух полицейских. Только этого не хватало. Он всегда невольно нервничал, когда встречал полицейских у своего дома. Как будто он все еще ждал неприятностей из-за своей работы в «Штази». Правда, его вызывали несколько раз в качестве свидетеля в суд, но никто и никогда не предъявлял ему конкретных обвинений.

Один из полицейских наклонился, очевидно, рассматривая колеса. Затем поднялся. Нигбур подошел.

— У меня проблемы? — заискивающе улыбнулся он. — Доброе утро. Здесь стоянка разрешена.

— Все нормально, — ответил полицейский. В его речи чувствовался акцент. Наверно, он из судетских немцев. Они говорят с таким акцентом. Хотя только старики, у молодых его уже нет.

— Спасибо, офицер. — Нигбур сел в свой «Рено» и, осторожно выруливая, отъехал от дома.

Сотрудники полиции долго смотрели ему вслед.

— Все в порядке, — сказал один из них, обращаясь к другому. Он посмотрел на своего напарника, и тот кивнул, вдруг добавив по-русски:

— Нужно проследить.

Они быстро подбежали к светлому «Опелю», стоявшему метрах в двадцати, и выехали за автомобилем Нигбура, ориентируясь на маяк, установленный на его машине.

Нигбур выехал на дорогу и, обогнув аэропорт,

направился через Лангенхорн на трассу. Через несколько минут его автомобиль уже двигался по трассе, набирая скорость.

«Нужно попозже позвонить домой», — подумал Нигбур. Хотя он через полтора-два часа уже будет в Любеке и сможет позвонить, после того как закончит дела. Он посмотрел на часы. Если все будет нормально, он успеет сегодня вернуться в Гамбург. Не хотелось бы оставаться в придорожной гостинице. Он не любил отели, их стандартные запахи и безликие номера.

На трассе его «Рено» набрал довольно приличную скорость. Стало больше машин. Немцы — трудоголики и поэтому поднимаются с рассветом. Он обратил внимание на появившийся позади него белый «Опель», который почему-то его не обгонял и держался на почтительном расстоянии.

«Странно...» — подумал Нигбур. Привычка отмечать автомобили, идущие на трассе за его машиной, стала частью его натуры. Он нахмурился. Неужели появление полицейских было запланировано и за ним теперь организовано внешнее наблюдение? Только этого не хватало. Хотя чему удивляться? Все бывшие сотрудники «Штази» находились под пристальным вниманием западногерманских спецслужб.

Туман сгущался. На одном из поворотов Нигбур вспомнил о полицейском. «Акцент, — подумал Нигбур. — Ведь он сравнительно молодой человек. Такой акцент может быть у немцев, проживших долгие годы в славянской стране. Или... или у славянина, говорящего по-немецки». Нигбур вспом-

нил выражение лица второго полицейского и прибавил скорость. «Опель» также пошел быстрее.

«Почему я становлюсь таким подозрительным? — подумал Нигбур. — Ведь это мог быть немец, переехавший из России. Сейчас здесь много немцев из бывшего Советского Союза. И, конечно, он может говорить с подобным акцентом. В этом нет ничего удивительного».

«Опель», набирая скорость, пошел на обгон. «Ну вот и прекрасно, — подумал Нигбур, взглянув в зеркало заднего обзора. — Пусть уезжают, иначе моя подозрительность постепенно перейдет в манию».

«Опель» поравнялся с его «Рено», собираясь обойти его слева. Нигбур невольно перевел взгляд на пассажиров «Опеля». И в последний момент узнал сотрудников полиции, которых встретил у своего дома. Он не успел ни удивиться, ни испугаться. Один из пассажиров «Опеля» привел в действие дистанционное устройство, отключившее на мгновение все системы в его машине. «Опель» резко свернул вправо. Нигбур попытался взять правее, но здесь был крутой склон. Он почувствовал, что руль не слушается его, и нажал на тормоза. Но автомобиль ему уже не подчинялся. Ломая бетонные ограждения, «Рено» рухнул со склона, перевернулся несколько раз и ударился о дерево. От удара автомобиль вспыхнул. «Опель» остановился, и пассажиры вышли из машины.

— Нужно спуститься проверить, — сказал один из них.

— Да, — согласился второй. У него были светлые, холодные, безжизненные глаза, какие бывают у дешевых игрушек, которым в пустые глазницы вставляют два тусклых глаза.

Берлин. 28 октября 1999 года

Величественное здание посольства бывшего Советского Союза на Унтер-ден-Линден напоминало скорее роскошный дворец, чем дипломатическое представительство. В прежние годы, во времена ГДР, здесь находилась, по существу, резиденция советского наместника в Германии, настолько значимым был пост посла Советского Союза. Правда, многое зависело и от самого посла. Некоторые серьезно полагали себя настоящими губернаторами на завоеванных территориях. У некоторых хватало ума считать себя стратегическими союзниками. Здания посольства и прилегающего к нему торгового представительства занимали целый квартал. Здесь же располагалось представительство «Аэрофлота».

В первой половине девяностых здесь было необычно тихо. Однако строительство, ведущееся за Бранденбургскими воротами, не могло не сказаться и на главной улице города. Началась реконструкция магазинов и кафе. Рядом с воротами, служившими границей между двумя мирами, с прежней роскошью и великолепием был восстановлен отель «Адлон», некогда один из лучших в Германии. Поменялась табличка и на советском посоль-

стве, которое стало российским, и теперь здесь находился посол России.

Это была всего лишь парадная вывеска дипломатического представительства. Разведчики и дипломаты предпочитали встречаться в других местах, а партийные бонзы принимали советских друзей в Панкове, пригороде Берлина, где они жили. Именно сюда, в Панков, прибыл один из сотрудников российского посольства на встречу с представителем БНД — западногерманской разведки.

Для БНД не было секретом, что Михаил Воронин — один из сотрудников посольства, работавших на СВР. Представители БНД попросили о встрече с Ворониным для более предметного разговора на интересующую их тему. Воронин хорошо знал своего собеседника — Вальтера Хермана, представлявшего БНД в Берлине. Западногерманская разведка традиционно располагалась в Пуллахе, местечке под Мюнхеном, и не собиралась никуда переезжать даже после объединения Германии.

Сотрудники двух разведывательных ведомств прибыли почти одновременно, обоюдно демонстрируя точность и вежливость. Они были чем-то похожи. Оба чуть выше среднего роста, плотные, коренастые, внимательные, осторожные, с несколько стертymi лицами, какие бывают обычно у разведчиков, привыкших подавлять собственную индивидуальность.

— Добрый день, герр Воронин, — приветствовал своего российского коллегу Вальтер Херман. — Кажется, мы не виделись уже два месяца.

— Здравствуйте. — Воронин протянул руку. Он знал, что его собеседник понимает по-русски, но разговор шел на немецком.

— Вы хотели со мной встретиться? — спросил Воронин. — Что случилось, герр Херман?

— Я встретился с вами по поручению моего руководства, герр Воронин, — сообщил Херман. — Признаюсь, мы не ожидали подобных действий от вашей службы. Если бы не наши давние отношения, мы немедленно приняли бы меры по выдворению из нашей страны ваших представителей.

— Интересное начало, — мрачно заметил Воронин. — Надеюсь, мы разрешим наши недоразумения.

— Не уверен. Я уполномочен заявить протест. Мы не ожидали подобных действий со стороны вашей службы, — повторил с явным возмущением Херман. — Неделю назад ваши сотрудники устроили взрыв в Нойенхагене, едва не уничтожив некоего Дитриха Барлаха. Три дня назад кто-то подстроил автомобильную катастрофу на трассе Гамбург — Любек некоему Фредерику Нигбуру. Вы знаете, что все бывшие сотрудники «Штази» находятся под нашим негласным наблюдением. Нам нетрудно было установить, что Барлах был осведомителем «Штази» и сотрудничал именно с Нигбуром, которому вы так ловко помогли отправиться на тот свет.

— У вас есть доказательства?

— Конечно, — кивнул Херман, — наши эксперты проверили машину Нигбура. Там был найден сгоревший маяк, по которому можно было опреде-

лить, куда именно направляется Нигбур. Кроме того, наши эксперты полагают, что снаружи был подан импульс, подавляющий работу электрических систем в автомобиле погибшего. Я думаю, мы будем настаивать, чтобы вы немедленно покинули Германию, даже если вы никогда не были в Гамбурге. Эксперты легко установили, что смерть Нигбура не была случайной. С некоторых пор мы стали особенно тщательно следить за дорожными происшествиями, в которые попадают бывшие сотрудники спецслужб ГДР.

— Не понимаю, какое отношение это имеет к нашим сотрудникам?

— Герр Воронин, ваши люди организовали взрыв в квартире Барлаха. Там пострадало еще шесть квартир, есть несколько раненых. У Нигбура осталась вдова, которая потребует большой компенсации, если выяснится, что он погиб не своей смертью.

— Вы полагаете, мы можем договориться?

— Конечно. Вы сообщаете нам причины вашей очевидной нелюбви к Барлаху и Нигбуру, а мы высылаем вашего сотрудника и не предаем огласке аварию, в которую попал Нигбур. Думаю, вы не будете доказывать, что Барлах и Нигбур не были даже знакомы?

Воронин остановился. Он был в темном плаще, его собеседник — в темной куртке. У обоих клетчатые темные кепки. У Воронина — синяя, у Хермана — коричневая.

— Я должен доложить о нашем разговоре в Москву, — ответил Воронин. Он понимал, насколько

важен их разговор для руководства Службы внешней разведки России.

— Конечно, — согласился Херман, — но мы хотели вас предупредить, что в случае повторного террористического акта, проведенного на территории Германии или в любом другом месте против наших граждан, мы немедленно предадим огласке все имеющиеся у нас сведения. Вы меня понимаете, герр Воронин?

Москва. Ясенево. 29 октября 1999 года

Совещание началось ровно в десять утра. За столом сидели несколько человек. Каждый из них осознавал меру собственной ответственности и личную причастность к проводимой операции. Здесь собрались люди, допущенные к самым важным секретам внешней разведки России. Вел совещание руководитель Службы внешней разведки.

— Положение не просто сложное, — закончил он свое выступление. — Мы поставлены перед лицом самой серьезной угрозы, которая когда-либо существовала для нашей службы в Европе. Очевидно, речь идет об «апостолах», особо законспирированных агентах, о которых никто и никогда не должен был знать. Но неизвестный нам источник согласился предоставить американцам всю информацию по этим агентам, добавив к ним списки агентуры, которую нам удалось «законсервировать» в период объединения Германии. Георгий Самойлович, — обратился он к одному из своих

заместителей, — я хочу знать ваше мнение о случившемся.

Здесь не принято было вставать. Несколько пар внимательных глаз посмотрели на заместителя руководителя Службы внешней разведки, курировавшего в том числе и агентуру в Центральной Европе. Георгию Самойловичу Осипову было пятьдесят два года. Это был настоящий профессионал, один из тех, кому удалось остаться в разведке после распада Советского Союза и развала КГБ. Только благодаря усилиям академика Примакова, возглавившего внешнюю разведку России в этот сложный период, удалось сохранить кадры и потенциал бывшего Первого главного управления. Среди профессионалов, работающих во внешней разведке, уже третий десяток лет был и генерал Осипов.

— Мы получили сообщение о возможной сделке, — глуховатым голосом пояснил Осипов. — Неизвестный нам агент вышел через некоего Дитриха Барлаха на резидентуру ЦРУ в Берлине и предложил эти списки за совершенно фантастическую сумму — пятьдесят миллионов долларов. Подобная сумма и заинтересованность американцев в покупке вынудили нас проверить сообщение Барлаха. Он оказался сотрудником полиции, был уволен на пенсию по инвалидности еще при режиме Хонеккера. По некоторым сведениям, также работал платным агентом «Штази», выполнял отдельные поручения.

Барлах, очевидно, был связным, через которого на американцев пытался выйти настоящий агент.